

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья
УДК 81'373+008
doi: 10.17223/22274200/26/1

Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц

Михаил Алексеевич Бредис¹, Евгений Евгеньевич Иванов^{2,3}

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

² *Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова,
Могилёв, Республика Беларусь*

³ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

¹ *bredis-ma@rudn.ru*

^{2,3} *ivanov_ee@msu.by*

Аннотация. Рассматривается содержание культурологически ориентированного комментария пословиц в полилингвальной паремиографии. Обосновывается специфика лингвокультурологического комментария как инструмента сопоставительного описания пословиц в словаре. На материале русских пословиц «о дураке» и их аналогов в отдельных славянских, балтийских, финно-угорских и тюркских языках показываются возможности лингвокультурологического комментария в выявлении и словарной репрезентации национальной специфики языковой и фоновой пословичной семантики.

Ключевые слова: пословица, полилингвальный словарь, языковая семантика, фоновая семантика, лингвокультурологический комментарий

Благодарности: публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН (Российская Федерация). Исследование частично проведено в рамках выполнения Государственной программы научных исследований 2021–2025, проект № 20211335 (Республика Беларусь).

Для цитирования: Бредис М.А., Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. doi: 10.17223/22274200/26/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/26/1

Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs

Mikhail A. Bredis¹, Eugene E. Ivanov²

¹*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russian Federation*

²*Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russian Federation*

¹*bredis-ma@rudn.ru*

²*ivanov_ee@msu.by*

Abstract. The article examines the principles and content of a culturally oriented commentary on proverbs in comparative dictionaries. It substantiates the specifics of the linguoculturological commentary as a tool for the comparative description of proverbs in a multilingual dictionary. The methodological basis of the study is the provisions of the proverb theory reflected in the latest publications that consider proverbs as elements of the language and as a variety of aphoristic units, linguoculturological analysis of proverbs, their differentiation according to the degree of national specificity / commonality with other languages and the principles of reflecting such differentiation in comparative paremiography. Based on the material of Russian proverbs “about a fool” and their counterparts in certain Slavic, Baltic, Finno-Ugric and Turkic languages, the possibilities of linguoculturological commentary in identifying and dictionary representation of the national specificity of proverbial semantics are shown. Actually, the choice of this group of proverbs and languages of comparison is random, which significantly increases the representativeness of the study, makes its results deliberately objective, since in this case they can be extended to any groups of proverbs in any languages. The article formulates the main principles of the linguoculturological commentary in a polylingual dictionary: firstly, the proverbs of both the input language and the output language should be commented equally; secondly, proverb commentaries in all languages must be relevant (it means that volume, structure, subject orientation and depth of commenting should be the same for each language); thirdly, the most significant components of proverb content and form for the interlingual comparison should be the subject of commenting; fourthly, commentaries should be given separately for each proverb of each language, however, in terms of content,

they should be projected onto each other. At the same time, in multilingual paremiological dictionaries, the interlingual linguocultural projection is of particular importance. The linguoculturological commentary in the proposed form will significantly increase the volume of a polylingual dictionary of proverbs; however, it will also significantly increase its representativeness and cognitive value both in the proper linguistic and cultural terms. The prospect of the research is to develop the structure of a culturally-oriented commentary in a polylingual dictionary of proverbs, ways of correlated commenting on their linguistic semantics and background semantics, methods of including linguoculturological commentary in various zones of a lexical entry, as well as determination of the system of paraverbal means of its representation in polylingual paremiography.

Keywords: proverb, polylingual dictionary, language semantics, background semantics, linguoculturological commentary

Acknowledgements. The publication was prepared with the support of the RUDN University Scientific Projects Grant System, Project No. D.2F/S2022 (Russian Federation). The research was partially performed by the aid of the State Program of Scientific Research 2021–2025, Project No. 20211335 (the Republic of Belarus).

For citation: Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 26. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/26/1

Лингвокультурологический комментарий как компонент словарного описания паремиологических единиц (пословиц) не имеет ни своего общепринятого понимания (назначения и содержания), ни устоявшихся правил применения (места и объёма в словарной статье) в современной отечественной и зарубежной паремиографии. Актуальным в этой связи является как разработка принципов и приёмов, так и выяснение значимости и направления лингвокультурологического комментария в паремиологических словарях различных типов.

Цель настоящей статьи – рассмотреть возможности лингвокультурологического комментария как значимого компонента сопоставительного описания пословиц в полилингвальных паремиологических словарях.

Методологической основой исследования являются отражённые в новейших публикациях положения теории пословиц как элементов языка [1–4] и как разновидности афористических единиц [5–7], теории пословичных образов, доминантных концептов и их номинаций [8, 9], лингвокультурологической теории пословиц [10, 11], теории

национальной специфичности/общности с другими языками [12–14] и её репрезентации в сопоставительной паремиографии [15, 16]. Также учитывались принципы и содержание культурологически ориентированного комментария пословиц в словарях различных типов [17–50].

Фактическим материалом для исследования послужили четыре пословицы «о дураке» в русском языке (*Дураков работа любит; Дураков не сеют и не жнут, они сами родятся; Дурака и в алтаре бьют; Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьёт*) и их эквиваленты и соответствия в белорусском, польском, русинском, сербском, латгальском, латышском, литовском, финском, турецком языках. Следует отметить, что пословицы «о дураке» входят в состав паремиологического минимума и основного паремиологического фонда русского языка, что свидетельствует о высокой степени социокультурной актуальности этих пословиц в синхронии и диахронии [51. Р. 28–38, 85–139]. Вместе с тем сам по себе выбор как данной группы пословиц, так и языков сопоставления является случайным, что существенно повышает репрезентативность исследования, делает его результаты заведомо объективными, поскольку в таком случае они могут быть распространены на любые группы пословиц любых языков.

Глупость сама по себе, как известно, носит общечеловеческий характер, поэтому фоновая семантика пословиц «о дураках» вполне понятна как в родном, так и в чужих языках. Универсальность глупости и пословиц «о дураках» подчёркивается ещё и тем, что в них почти нет ярко этнически маркированных компонентов. Однако при сопоставительном анализе таких пословиц выявляются семантические нюансы, различия в образности, несовпадения в предметно-понятийном содержании, аксиологической окрашенности. Это делает значимым лингвокультурологический комментарий, который не только демонстрирует и истолковывает национально-культурную специфику пословиц, но и позволяет её установить, выявить тонкие межкультурные различия, недоступные без специального анализа, отражённого в культурологически ориентированном комментировании отдельных элементов плана содержания пословицы (и языковых средств их выражения) в проекции на другие культуры и языки.

Так, широкоизвестная русская пословица *Дураков работа любит* и её вариант *Дурака работа хвалит* [20. С. 316, 314] обычно говорятся в ситуациях, когда кто-то проявляет излишнее неуместное усердие, делает ненужную или лишнюю работу. В пословице использован

приём олицетворения: работа, которая нуждается в существовании дурака, его любит и хвалит. Пословица говорится с неодобрением, поскольку её базовое значение сводится к тому, что ‘отсутствие продумывания, планирования, расчёта и организации ведёт к выполнению лишней бесполезной работы’. Здесь содержательно пословица пересекается с другой русской пословицей *Дурная голова ногам покою не даёт* [20. С. 188], полные смысловые аналоги которой имеются в разных языках мира (ср., например, русин. *Дурна голова ногам покѹв не дає* или тур. *Akılsız başın zahmetini ayak çeker* – букв. «Голова без ума доставляет хлопоты ногам»). У рассматриваемой пословицы есть и второе значение, согласно которому ‘много работают только не слишком умные люди, действительно умный человек избегает работы’. С таким значением пословица употребляется в ситуациях, когда кто-либо оправдывает своё праздное времяпрепровождение. Пословицу обычно используют люди хитрые и ленивые, не желающие выполнять какую-то работу, считающие себя умными, чтобы не утруждаться лишним раз, хотя работа может быть совсем нелишней.

В русской лингвокультуре содержание понятия *дурак* оценивается довольно неоднозначно. Помимо общеизвестного значения этого слова ‘глупый человек, тупица, тупой, непонятливый, безрассудный’ имеются и другие смысловые оттенки. Так, в русском фольклоре образ *дурака* вызывает народную симпатию. Говоря о таком синониме слова *дурак*, как *глупый*, Н.М. Черкасова отмечает, что «*глупый* всегда *дурак* (не отличающийся большим умом), а *дурак* не всегда *глупый*, т.е. семантическое поле *дурак* гораздо шире и многослойнее» [52. С. 105]. Показательно, что в документах Древней Руси с 1495 г. фиксируется имя собственное *Дуракъ*, которое не было оскорбительным в своё время и от которого произошли такие фамилии, как *Дуров*, *Дурново* и пр. [52. С. 102]. В русской книжной традиции слово *дуракъ* впервые встречается в произведениях протопопа Аввакума. Уже в то время значение данного слова было бранным: «И я паки свѣту Божородицѣ докучать: “Владычице! уйми дурака того”»! [53. С. 10]; «Такъ они сѣли; я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: “посидите вы, а я полежу” – говорю имъ. Такъ они смѣются: “дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ”» [53. С. 20]. В пословице *Дураков работа любит* (или *Дурака работа хвалит*) слово *дурак* реализуется в значении ‘глупый, неумный’, т.е. главной характеристикой пословичного «дурака» является отсутствие ума.

В русинском языке семантическим аналогом русской поговорки является пословица *Робота любить дужого и дурного* (букв. «Работа любит сильного и глупого»). Здесь русскому *дурак* соответствует русинское *дурный*, что означает ‘глупый’, хотя в русинском языке употребляются также синонимы *дурак* и *дурош*. Как видим, в русинском пословичном аналоге добавляется существенный нюанс – работа любит не только глупого, но и сильного, что позволяет говорить о его содержательной близости ещё одной русской поговорке – *Сила есть – ума не надо* [42. С. 221]. Таким образом, значение русинской поговорки «о дураке» состоит в том, что ‘глупец, у которого достаточно сил, может выполнять много лишней работы’, а её фоновая семантика основана на устойчивой взаимосвязи в народном сознании русинов физической силы человека и его качеств как хорошего работника (т.е. содержание поговорки имеет не только отрицательную, но и ярко выраженную положительную коннотацию).

Белорусский аналог поговорки сходен с русским вариантом по образности и семантике: *Робота дурняў (дурня, дурных) любіць* [39. С. 451]. Однако есть расхождение в ситуации употребления. Эту поговорку белорусы, как и русские, говорят тому, чьё старание не одобряют. Однако в белорусском языке есть также синонимичная поговорка *Работы век (ніколі) не пераробіш* [39. С. 453]. Обе эти поговорки говорятся в ситуации, когда необходимо сделать перерыв в работе, тем самым образ пословичного «дурака» в белорусской народной культуре связывается не столько с глупостью, сколько с непрактичностью, наивностью (белорусский *дурны* – тот тот, кто работает тогда, когда можно отдохнуть), а пословичный аналог приобретает специфичный смысловой оттенок ‘не следует работать в неурочное время’.

Польская поговорка *Głupiego robota lubi* (букв. «Глупца работа любит») [50. S. 551] является полным семантическим эквивалентом русской поговорки. При этом в польском языке параллельно с поговоркой функционирует фразеологизм *głupiego robota* или *robota głupiego* (букв. «работа глупца») со значением ‘работа, не приносящая результатов; бесцельная, бессмысленная работа’, синонимичный широко известному интернациональному обороту *syzyfowa praca* (*Сизифов труд*). Пословица *Głupiego robota lubi* означает, что ‘любую работу надо делать планомерно и с умом’. Показательный пример современного употребления этой поговорки даёт Агнешка Машевска (Agnieszka Maszewska) в своём интернет-блоге «Улица прозы» [54].

В коротком эссе «О том, что генетика – это сила» она вспоминает свою бабушку, которая постоянно говорила: «*Всей работы не переделаешь*» и «*Глупого работа любит*». При этом бабушка всегда была занята какими-то делами по дому или в огороде и никогда не отдыхала так, чтобы ничего не делать. Агнешка Машевская пишет: «У меня выдалось два с половиной свободных дня, впервые за долгое время, и не знаю, что с собой делать. Я не могу ничего не делать. Спасибо, бабушка». Сочетание пословиц *Всей работы не переделаешь* и *Дурака работа любит* создаёт фразеологически насыщенный контекст, который наводит на мысль о том, что работы всегда много, но её делать надо и выполнять максимально хорошо.

В латгальском языке также имеется полный аналог русской поговорки о дураке и работе *Dorbs duraku mīļoj* (букв. «Работа дурака любит»). Латгальская поговорка относится к числу заимствованных из русского языка с использованием лексического русизма *duraks*. Латгалия находилась в составе Российской империи с 1772 по 1917 г. В Латгалии в начале XX в. заимствованные из русского языка слова *duraks* и *burlaks* считались оскорблением, унижающим достоинство человека. Согласно Уголовному уложению 1903 г., использование подобных слов считалось «оскорбительным поведением». Тем не менее в Латгалии в начале XX в. *duraks* широко использовалось и в быту, и в публичной сфере [55. Л. 188]. Наряду с ним использовалось латгальское *mulķis* с тем же значением. Как и ранее в Древней Руси, где в конце XV в. существовало имя собственное *Дуракъ*, в Латгалии в 1738 г. была впервые зафиксирована фамилия *Mulčs* (от *mulķis* ‘дурак’). Эта фамилия была особенно распространена среди населения деревень *Lieli Mulķi* (букв. «Большие Дураки») и *Mazie Mulķi* (букв. «Малые Дураки») Краславского края, современные жители которых посчитали это обидным и ещё в 1980-х гг. высказывали идею о переименовании их населённых пунктов [55. Л. 188]. Хотя латгальская поговорка о работе и дураке по сей день остаётся употребительной, в современном латгальско-латышском словаре слово *duraks* отсутствует, но включены производные от него *duraceiba* (‘глупость’) и *duraceņš* (‘дурачок’) [46. Л. 60]. Подобно русскому *дурачок*, само слово *duraceņš* (*mulkeits*, *glupeits*, *sprostais*) является весьма значимым для латгальской культуры, в особенности для фольклора. Часто *duraceņš* – это образ младшего сына в народных сказках, чьё поведение не соответствует стандартам, которые демонстрируют старшие

братья. При этом действия дурачка в латгальских сказках запрограммированы на успех, так как ему не свойственна корысть и он не замечает общепринятых преград [20. С. 187], что является весьма близким образу русского сказочного *дурака*.

В латышских паремиологических сборниках полных смысловых аналогов русской поговорке *Дурака работа любит* нет, хотя в интернет-коммуникации иногда можно встретить фразу *Muļķi darbs mīl* (букв. «Дурака работа любит»), что, по-видимому, является калькой русской поговорки (с аналогичным лексическим составом и грамматической организацией). Неполным семантическим эквивалентом можно считать латышскую поговорку *Gudrais stāv, muļķis strādā* (букв. «Умный стоит, дурак работает») [56], которая имеет общий смысловой компонент с русской поговоркой ‘дурак работает, не думая’. *Дурак* здесь противопоставляется *умному*, которому не нужно много или вообще работать, потому что он прежде обдумает, как добиться своего без затрат времени и труда. Также в латышском языке есть поговорка с олицетворением работы, которая имеет иное, чем в русском языке, содержание: *Mīli darbu, darbs tevi mīlēs!* (букв. «Люби работу, работа тебя полюбит!») [47. L. 233].

В литовском языке существует несколько аналогов русской поговорки о дураке и работе: *Darbas durnių myli* (букв. «Работа дурака любит»); *Durnius darba, darbas durnių, ir abu kovoja* (букв. «Дурак – работу, работа – дурака, и оба бьются»); *Kvailys myli darbą, darbas – kvailį* (букв. «Дурак любит работу, работа – дурака») [57]. Семантически литовские поговорочные аналоги, в которых работа также олицетворяется, в двух случаях существенно расширены: в одном не только работа любит дурака, но и дурак любит работу, а во втором они ещё и противодействуют друг другу (т.е. из обоюдной любви дурака и работы ничего не выходит). Особенностью литовских поговорок о дураке и работе является использование двух синонимов для обозначения глупца – *durnius*, которое является восточнославянским заимствованием (бел. *дурань*, рус. *дурень*), и *kvailys*, которое имеет собственно литовское происхождение. Свойственный современным молодым литовцам языковой пуризм обуславливает вытеснение заимствованного *durnius* из литовского языка. Однако поговорки с *durnius* остаются широко употребительными и в настоящее время, что хорошо видно на примере интернет-дискурса. Так, в статье «Kaip darbas durnių mylėjo, o durnius meilės išsižadėjo» («Когда работа дурака любит, а дурак от

любви отказывается»)), опубликованной в блоге Ремигиуса Венцкуса (Remigijus Venckus), отмечается, что пословица *Darbas durnių myli* сегодня остаётся такой же актуальной, как и пословица *Kas veža, tam ir krauna* (букв. «Кто везёт, тому и груз»), также широко распространённая в литовском и имеющая аналоги в разных славянских языках (например, рус. *Кто везёт, на того и накладывают; Кто везёт, того и погоняют*; бел. *Хто цягне, на таго і навалываюць*; укр. *Хто тягне, того ще й б'ють; Хто тягне, того ще й поганяють*; русин. *Бють того вола, што тягне* – букв. «Бьют того вола, который тянет»). Автор блога утверждает, что пословицы «о дураке и работе» и «о том, кто везёт» дополняют друг друга и их можно понимать одинаково [58]. В другой интернет-статье, озаглавленной “Durnius – darba, darbas – durnių” («Дурак – работу, работа – дурака») и посвящённой современному литовскому рынку труда, психологическим проблемам занятости и работы в условиях кризиса и безработицы, также упоминаются литовские пословицы о работе. Автор статьи задаётся вопросом: «Если идеальной работы не существует, может быть, разумнее любить ту, которая у вас есть?» – и отмечает, что пословица *Durnius – darba, darbas – durnių* предупреждает о необходимости хорошо осознавать свой выбор. По его мнению, при поиске профессионалов для текущей работы, или начиная с нуля, или при изменении направления всегда следует спрашивать себя, насколько то или иное решение соответствует личным ценностям, насколько оно близко душе, сколько энергии, силы духа и материальных ресурсов можно посвятить для его реализации [59]. Именно проблема выбора работы, проблема правильного решения приступить к той или иной работе, проблема остаться довольным своей работой и т.п. детерминирует национально-культурную специфику пословицы «о дураке и работе» в литовском языке.

Финский аналог русской пословицы «о дураке и работе» лишён олицетворения работы, представляет прямую констатацию факта: *Hullu paljon työtä tekee, viisas pääsee vähämmällä* (букв. «Дурак много работы делает, умный отделяется малым») [40. С. 40]. Семантика финской пословицы близка русской в одном из значений – ‘шутливо или пренебрежительно в адрес того, чьё излишнее усердие не одобряют’, а также в своей второй части отражает национальное своеобразие противопоставления дурака умному в их отношении к работе: умный человек много думает, а мало делает, дурак думать не умеет, поэтому

работает много. Таким образом, финская пословица близка латышской, в которой дурак также противопоставляется умному.

Ещё одна русская пословица *Дураков не сеют и не жнут, они сами родятся* [20. С. 316] впервые упоминается в широко известном памятнике русской литературы XIII в. «Моление Даниила Заточника», в котором автор обращается к переяславско-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу: «Не сей бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо ни сеють, ни орють, ни в житницу собирают, но сами ся родят» [60. С. 166]. Использование компонента *безумные* объясняется тем, что слово *дурак* ещё не употреблялось. Как видим, смысл пословицы остался неизменным за последние восемьсот лет – ‘глупые родятся глупыми и останутся таковыми, не стоит тратить время на их вразумление’.

То же значение у аналогов русинского *Дурных не сіють, они сами сходять* (букв. «Дураков не сеют, они сами всходят») и белорусского *Дурняў не аруць, не сеюць, яны самі родзяцца (вырастаюць)*. Однако в белорусском языке пословица имеет национальную специфику в ситуации употребления – ‘говорится обычно в качестве оценки чьей-либо грубой ошибки, неуместного поступка и т.п.’ [39. С. 189], поскольку на семантику доминантного пословичного компонента *дурань* оказывает влияние одно из значений синонимичного ему бел. *дурны* – ‘наивный, недостаточно опытный (в чём-либо), недогадливый’.

В польском языке есть аналогичная русской пословица *Głupich nie orzą, nie sieją, sami się rodzą* (букв. «Глупцов не пахут, не сеют, сами родятся») [45. S. 144], в которой, как и в белорусской пословице, сохранилось древнее славянское *орать* – ‘пахать’ (польск. *orzą*, бел. *аруць* – ‘пахут’) [32. С. 122]. Реалистичное и крайне негативное отношение к дураку в польской традиционной картине мира выражается в весьма близкой по смыслу и не менее популярной пословице *Głupich siać nie trzeba, bo ich pełno wszędzie* (букв. «Глупцов сеять не надо, потому что их полно везде») [45. S. 144].

Сербский аналог русской пословицы *Будале се не сеју, оне саме ничу* (букв. «Дураков не сеют, они сами прорастают») имеет формальный вариант *Будалу не треба тражити, сама се јави* (букв. «Дурака не надо искать, сам явится»). Фоновая семантика сербской пословицы основана на представлениях не о глупости, а о безумии, что детерминировано значением заимствованного из турецкого *буда*, которое толкуется в нормативном словаре сербского языка как *луд*

човек, лудак, луда, причём первыми значениями слов *луд*, *лудак* и *луда* являются ‘сумасшедший, умалишённый, безумный, полоумный’, что находит отражение и в фразеологизмах, например *бити луд за нечим за неким* (‘сходить с ума по чему-либо, кому-либо’) или *луда срећа* (‘безумное, бешеное счастье’) [61. С. 295].

В латгальском языке пословичный аналог *Durakus ni sēj, ni pļauņ – jī poši aug* (букв. «Дураков не сеют, не жнут, они сами растут») [48. L. 17] является результатом приграничного культурного трансфера. Это полная калька русской пословицы, о чём свидетельствует грамматическая организация и лексический состав, включая русизм *duraks*. Помимо русизма *duraks*, в пословице используется латгальское *mulķis*, которое представлено в её формальном варианте *Mulķus ni sēj, ni pļauņ – jī poši aug* [48. L. 52].

Латышскому языку также известна аналогичная пословица *Mulķus nekas ne sēj, ne ecēj, bet paši aug* (букв. «Дураков никто не сеет, не боронит, а сами растут»), которая возникла на основе соответствующей русской пословицы [62. С. 139]. В латышскоязычном пространстве интернет-дискурса встречается также вариант этой пословицы с русизмом *duraks* (‘дурак’): *Durakus ne sēj, ne laista – paši aug* (букв. «Дураков не сеют, не жнут – сами растут») с добавлением *kā saka latgalieši* («как говорят латгалы»), что маркирует чёткую дифференциацию в народном сознании латышей представлений о своём «латышском дураке» и о чужом «русском дураке».

Литовская пословица *Kvailių nereikia nei sėti, nei akėti, bet patys dygsta* (букв. «Дураков не надо ни сеять, ни боронить, а сами растут») также восходит к своему русскому пословичному аналогу [62. С. 139]. Однако в литовском языке параллельно широко функционируют оригинальные синонимичные пословицы *Durniaus nereik su žvake ieškoti – ir pats pasirodo* (букв. «Дурака не надо искать со свечой – он сам появляется») и *Neieškok kvailių su žiburiu – rasi ir patamsy* (букв. «Не ищи дураков с огнём – найдёшь и в темноте») [57], которые, несмотря на славянизм *durnius* и литовское *kvailys*, имеют общее значение ‘дураков везде много, они всегда в достатке’ и отражают национально-специфический образ «дурака в темноте», основанный на народномифологических представлениях о тьме как вместилище чего-то страшного, таинственного, нечистого, неживого. Безумный, лишённый разума человек всегда считался принадлежащим миру тьмы, поэтому *durnius/kvailys* в литовских пословицах человек не столько глу-

пый, неразумный, сколько сумасшедший, безрассудный, не считающийся с общепринятыми социальными и моральными нормами.

Финская пословица *Hulluja ei tarviste kyntää eikä kylvää* (букв. «Дураков не пашут, не сеют») [40. С. 41] употребляется в значении 'глупых людей всегда и везде хватает' и имеет схожий образ с русской пословицей («сеять дураков»), но характеризуется отсутствием содержательно значимой структурной части «дураки сами рождаются», что составляет национально-специфическую часть фоновой семантики, указывает на присутствие в традиционном сознании финнов представления о «дураках от рождения», т.е. дураками не рождаются, ими становятся в тех или иных обстоятельствах по тем или иным причинам.

Русская пословица *Дурака (глупого) и в алтаре бьют* имеет два формальных варианта *Дураку и в алтаре (в олтаре) не спускают (нет спуску)* и *Дураков и в алтаре бьют* [20. С. 17, 314–315] и основана на образе церковного алтаря. Алтарь – это святая святых христианского культа, он располагается в восточной части храма, в православных церквях алтарь отделяется от молельного зала иконостасом. В алтаре совершается таинство евхаристии. Согласно древним правилам православия, мирянам закрыт доступ в алтарь, войти туда могут только священники, алтарники и чтецы. В месте, где совершается величайшее таинство, должна царить обстановка благоговения. Религиозная значимость алтаря усиливает в пословице возмущение кощунственными действиями того, кто, вопреки запрету, проникает в алтарь, вызывая тем самым такой гнев, что праведные христиане не могут удержаться от рукоприкладства даже в таком святом месте.

В аналогичной белорусской пословице *Дурня і ў царкве б'юць* [39. С. 209] вместо образа алтаря используется образ церкви целиком, поскольку алтарь как место, в которое закрыт доступ, существует лишь в православных храмах. Фоновая семантика пословицы отражает исторически сложившуюся конфессиональную ситуацию в Беларуси, где органично сосуществуют православие и католицизм, а также униатство.

В латгальском языке функционирует почти полная калька русской пословицы *Duraku i bazneicā stumda* (букв. «Дурака и в церкви бьют»), в которой православный алтарь так же, как и в белорусской пословице, замещается нейтральным образом церкви. В Латгалии, как известно, сосуществуют римско-католическая, лютеранская и православная конфессии (включая старообрядцев). О русском происхождении пословицы свидетельствует русизм *duraks*, а также *bazneica* как

более раннее древнерусское заимствование в латгальском языке (др.-рус. *божьница* – ‘небольшая церковь, часовня’).

Латышская пословица *Muļķi izper pat baznīcā* (букв. «Дурака бьют даже в церкви») аналогична русской и имеет в своём составе древнерусское заимствование *bazneica*, что указывает на латгальский след в её происхождении. Вместе с тем в латышском языке широко употребляются синонимичные пословицы с близкой образностью: *Muļķis arī baznīcā dabū pērienu, gudrs – ne uz tīrgus* (букв. «Дурак и в церкви получит взбучку/порку, а умный и на базаре – нет») [44. L. 176], *Dumjš dabū pērienu pilnā baznīcā un tukšā krogā* (букв. «Глупец получает взбучку в полной церкви и в пустом кабаке»); *Muļķis dabū pērienu pie baznīcas, gudrs – ne pie tiesas* (букв. Дурак получает взбучку/порку в церкви, а умный и в суде – нет») [47. L. 394]. Как можно видеть, в латышских пословицах противопоставляется поведение глупца и умного. Смысл такого противопоставления в том, что и в многолюдной церкви, где особенно следует соблюдать правила почтительного поведения, и даже в пустом кабаке, где пьяные драки – нередкое явление, глупец может навлечь на себя гнев присутствующих своим поведением. При этом умный ведёт себя правильно и благоразумно не только в церкви и на базаре, но и в суде, где особенно небезопасно. Общая фоновая семантика латышских пословиц отражает народное представление о дураке как не просто о глупом человеке, но и как о нарушителе общепринятых норм и правил, пренебрежительно относящимся к социальным и духовным ценностям.

Литовские аналоги *Durną ir iš bažnyčios vej*, или *Durnių ir bažnyčioje tuša*, или *Kvailį ir bažnyčioj tuša* (букв. «Дурака и в церкви бьют») [57] имеют то же содержание, что и русская, латгальская и латышская пословицы «о дураке в алтаре / в церкви». Для обозначения дурака в них используются славянские заимствования *durnas*, *durnius*, а также собственно литовское *kvailys*. При этом *bažnyčia* означает ‘костёл’, поскольку подавляющее большинство литовцев – католики. Фоновая семантика литовских аналогов русской пословицы довольно ярко отражена в следующем веллеризме: *Durną ir bažnyčioj tuša! – pasakė kunigas biblija bedaužydamas klapčiukui per galvą už pariltą vyną* (букв. «Дурака и в костёле бьют! – сказал ксёндз, ударив служку Библией по голове за разлитое вино») [63].

В польском аналоге русской пословицы *Głupiego i w kościele biją* (букв. «Глупца и в костёле бьют») речь идёт так же, как и в литовской

пословице, о костёле, прямо называемом в пословице (польск. *kościół*) и выступающим этнолингвомаркёром, репрезентирующим национальную специфику польской культуры, в формировании и развитии которой огромную роль сыграл и продолжает играть в настоящее время католицизм. Так, согласно конкордату, заключённому между Ватиканом и Польшей и ратифицированному Сеймом в 1998 г., за польскими школами и дошкольными учреждениями закреплена возможность преподавания религии. В 2016 г. Иисус Христос был официально провозглашён королём Польши в результате церемонии интронизации, согласованной с польским правительством и при участии президента страны Анджея Дуды. Костёл в Польше – это не только культовое здание, это ещё и мощное католическое сообщество, оказывающее влияние на все сферы жизни поляков.

Показательно, что аналог русской пословицы «о дураке в алтаре» существует и в немецком языке *Ein Dummer kriegt in der Kirche Prügel* (букв. «Глупого и в кирхе бьют») [18. С. 161], где так же, как и в польском пословичном аналоге, эксплицировано национальное наименование церкви *Kirche*, которое в своём оригинальном значении используется немцами в максимально широком смысле – церковь как таковая, и как сообщество, и как здание без конфессиональной дифференциации. Вместе с тем *Kirche* заимствовано в восточнославянские языки, в которых является германизмом (рус. *кирха*, бел. *кірха*, укр. *кірха*), обозначающим только лютеранское культовое сооружение. В данном случае межъязыковая омонимия при восприятии немецкой пословицы в проекции на её русский аналог может без нужного комментария способствовать возникновению эффекта «ошибочной номинации», результатом которой будет неверная интерпретация фоновой семантики немецкой пословицы как повествующей «о дураке в лютеранской кирхе» по образцу фоновой семантики польской пословицы, где речь действительно идёт «о дураке в костёле».

Варьированию в межъязыковых пословичных аналогах может подвергаться и центральный лексический и предметно-смысловой компонент пословицы – дурак. Показательной в этом плане является русинская пословица, содержательно близкая русской пословице «о дураке в алтаре», в которой речь идёт вовсе не о глупом человеке: *Нечесного и в церкви бють* (букв. «Нечестного и в церкви бьют»). В русинском языке *нечесный* означает ‘нечестный, несправедливый, злобный’. Ещё один смысловой оттенок в русинском языке слова *нече-*

сный как ‘не делающий другим вреда, смирный’ позволяет выделить его антоним *чесный* в устойчивом обороте *Честный, коли спит* (букв. «Смирный, когда спит»). Также в русинском языке *честный* применительно к ребёнку означает ‘послушный’. В пословице русинский *нечестный*, как и *дурак* в аналогичной русской пословице, провоцирует конфликт, делает что-то вопиюще противоречащее общепринятым нормам и правилам, демонстрирует свою непочтительность окружающим, что возмущает остальных, толкает их на решительные действия по пресечению безобразия даже в церкви. На этом основании русинскую пословицу можно рассматривать как содержательный аналог пословиц «о дураке в алтаре/церкви/костёле» в русском, белорусском, польском, латгальском, латышском, литовском и немецком языках.

Ещё одна распространённая русская пословица про дурака – *Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьёт (расшибёт)* [20. С. 314] – также имеет аналоги во многих языках в силу общности человеческого мышления и типичности ситуации, когда человек проявляет в каком-либо деле избыточное усердие, приносящее только вред. *Дурак* в этой пословице олицетворяет неумённое усердие – ‘дурак всегда перестарается’. Полными аналогами являются белорусская и русинская пословицы: бел. *Загадай дурню богу маліцца, дык ён і лоб разаб’е* (букв. «Заставь дурня Богу молиться, так он и лоб разобьёт») [39. С. 202]; русин. *Застав дурного молитися, та чоло розобе* (букв. «Заставь глупца молиться, так лоб разобьёт»). Литовские пословицы обладают той же образностью (дурак, молитва, лоб): *Nuvaryk kvailį melstis, jis ir kaktą prasimuš* (букв. «Заставь дурака молиться, он и лоб расшибёт»); *Nuėjo durnius bažnyčion ir galvą prasidaužė* (букв. «Пошёл дурень в церковь и голову разбил») [57].

В польском языке употребляется как полный аналог *Zmuś głupca do modlitwy – czolo sobie rozbije / rozwali* (букв. «Заставь глупца молиться – лоб себе расшибёт») [32. С. 122], так и аналогичная по смыслу пословица с иной образностью *Poślij durnia na rybę, to on [ci] żab nalapie / żaby łapie* (букв. «Пошли дурака за рыбой, так он [тебе] лягушек наловит / будет ловить лягушек») [50. S. 752]. Польский дурак может и не упоминаться в пословице, но результат его усердия налич: *Zbytńia gorliwość, karmiąc, zęby wybija* (букв. «Чрезмерное усердие при кормлении зубы выбивает») [50. S. 752, 861].

Финская пословица иллюстрирует чрезмерное усердие дурака ситуацией мытья в бане: *Hullu niin kylpee, että nahka lähtee* (букв. «Дурак

моется, пока кожа не сойдёт»). Фоновая специфика финской пословицы проявляется в том, что её доминантный лексический и предметно-смысловой компонент *hullu* является многозначным, детерминируя тем или иным оттенком своего значения общий пословичный смысл. Финское *hullu* – это, во-первых, «сумасшедший, помешанный, умалишённый», а во-вторых, «безумец, безумный (безрассудный) человек, глупец, дурак, дурень» (ср. фин. *hullu koirra* – ‘бешеная собака’) [40. С. 40].

Разнообразны и образы турецких пословиц с близкой семантикой: *Deliye bal tattırmişlar, çarşıda katran bırakmamış* (букв. «Безумному сказали попробовать мёд, на базаре дёгтя не осталось»); *Iç dedilerse, çeşmeyi kurut demedediler ya* (букв. «Сказали “пей!”», но ведь не говорили осушить весь источник»); *Vur dedimse öldür demedim ya* (букв. «Сказал “ударь”, но ведь не говорил “убей”») [35. С. 60, 235]. Национально-культурной спецификой турецких пословичных аналогов является характерная образность. В первой турецкой пословице используется *deli* – ‘безумный’, а не *aptal* или *budala* – ‘дурак’. Две другие обходятся без называния главного действующего лица – дурака, однако имеют форму диалога с глупцом, когда говорящий удивляется тому, что тот всё сделал не так, хотя ему объясняли правильно.

Как видно из представленных примеров, ситуация с чрезмерным усердием вполне типична, но образы в различных языках могут быть самыми разными в зависимости от народного опыта и этнокультурной специфики. В этом случае целесообразно обращаться и к русским пословичным вариантам и синонимам (например, *Дурака заставь горшки носить, а он рад разбить* [20. С. 314] и т.п.), многие из которых будут содержательно коррелировать с аналогичными по смыслу и близкими по образности пословицами других языков.

Таким образом, культурологически ориентированный комментарий пословиц в полилингвальной паремиографии позволяет не только дифференцировать фоновую семантику пословичных аналогов в разных языках, но и выступает в качестве инструмента для более широкого и глубокого сопоставительного описания пословиц, выявления в них неявных, национально-культурно детерминированных различий, а также обусловленных культурным трансфером или исторической близостью сходств.

По результатам проведенного исследования можно сформулировать основные принципы лингвокультурологического комментария в

многоязычном словаре: 1) пословицы как входного, так и выходного языка должны комментироваться одинаково; 2) комментарии пословиц на всех языках должны быть актуальными (это означает, что объем, структура, предметная направленность и глубина комментирования должны быть одинаковыми для каждого языка); 3) предметом комментирования должны стать наиболее значимые для межъязыкового сопоставления компоненты пословичного содержания и формы; 4) комментарии следует давать отдельно для каждой пословицы каждого языка, однако по содержанию они должны быть проецированы друг на друга. В то же время в многоязычных паремиологических словарях особое значение имеет межъязыковая лингвокультурная проекция. Безусловно, лингвокультурологический комментарий существенно увеличит объем многоязычного словаря пословиц, однако вместе с тем позволит значительно повысить его репрезентативность и познавательную ценность как в лингвистическом, так и в культурологическом плане.

Перспективой исследования видится разработка структуры культурологически ориентированного комментария в полилингвальном словаре пословиц, способов коррелированного комментирования их языковой семантики и фоновой семантики, приёмов включения лингвокультурологического комментария в различные зоны словарной статьи, а также определение системы паравербальных средств его репрезентации в полилингвальной паремиографии.

Список источников

1. *Паремиология* в дискурсе. М. : URSS : Ленанд, 2015. 294 с.
2. *Паремиология* без границ. М. : Изд-во РУДН, 2020. 244 с.
3. *Паремиология* на перекрёстках языков и культур. М. : Изд-во РУДН, 2021. 246 с.
4. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.
5. Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659–706.
6. Иванов Е.Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170.
7. Иванов Е.Е. Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185.

8. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 220–233.

9. Иванов Е.Е., Марфина Ж.В., Шкуран О.В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68.

10. Мокиенко В.М. Лингвокультурологическая паремиология в европейской ретроспективе // Перспективные направления современной лингвистики. М. : РУДН, 2020. С. 42–53.

11. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284.

12. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032.

13. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 607–615.

14. Петрушэўская Ю.А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. 220 с.

15. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кужужет Ш.Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160.

16. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербильные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36.

17. *Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік* = English-Belarusian Paremiological Dictionary. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2009. 240 с.

18. *Петрушэўская Ю.А.* Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. 312 с.

19. *Іваноў Я.Я., Раманав Н.К.* Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік = Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2006. 108 с.

20. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

21. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий. М. : Ридерз Дайджест, 2012. 781 с.

22. Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Словарь пословиц: краткий словарь-справочник. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. 272 с.

23. Шведченко И.Е. Словарь пословиц. Итальянско-русский и русско-итальянский = Dizionario dei proverbi. Italiano-russo e russo-italiano. М. : Дрофа : Русский язык Медиа, 2009. 160 с.

24. Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб. : Норинт, 2003. 512 с.

25. Іваноў Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамовных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2011. 164 с.

26. Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. 192 с.

27. Лакотка А.І., Кухаронак Т.І., Алфёрава А.Г. Прымаўкі ды прыказкі – мудрай мовы прывязкі (з адвечнай мудрасці народнай) / пераклад на кітайскую мову Ван Цінфэна, А.В. Раманоўскай. Мінск : Беларуская навука, 2017. 135 с.

28. Ая У., Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И. Пословицы в русской речи: учебный словарь с комментариями на эстонском языке. Псков : ЛОГОС Плюс, 2012. 123 с.

29. Маргулис А., Холодная А. Русско-английский словарь пословиц и поговорок = Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. North Carolina & London : Publishers Jefferson, 2000. 487 с.

30. Іванов Е.Е., Мокиенко В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв : МГУ имени А.А. Кулешова, 2007. 242 с.

31. Іванов Е.Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак : в 2 ч. Могилёв : Брама, 2001. Ч. 1. 144 с. ; Ч. 2. 164 с.

32. Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald : E.M.A.-Universität ; Szczecin : Volumina, 2014. 433 s.

33. Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок = Sprichwörter sprichwörtliche redensarten russisch-deutsches wörterbuch. М. : Русский язык Медиа, 2006. 214 с.

34. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь. М. : Русский язык, 1988. 272 с.

35. Епифанов А. Русские пословицы и поговорки и их турецкие аналоги = Türk atasözleri ve rus karşiliklari. СПб. : КАРО, 2006. 352 с.

36. Бирix А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М. : Астрель ; АСТ ; Люкс, 2005. 926 с.

37. Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск : БФС, 1997. 262 с.

38. Туровер Г.Я. Словарь пословиц. Испанско-русский и русско-испанский = Diccionario de refranes. Español-ruso y ruso-español. М. : Дрофа ; Русский язык Медиа, 2009. 208 с.

39. Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2011. 695 с.

40. Храпцова О.А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. СПб. : КАРО, 2011. 240 с.

41. Гнездилова В.А. Французско-русский словарь пословиц и поговорок = Dictionnaire des proverbes français-russes. М. : Мирта-Принт, 2010. 71 с.
42. Мокиенко В.М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб. : Нева, 2002. 352 с.
43. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак. Мінск : Вышэйшая школа, 2014. 141 с.
44. Kokare E. Divu tautu dzīves gudrība: Latviešu un krievu sakāmvārdu krājums. Rīga : Zinātne, 1967. 295 lpp.
45. Adalberg S. Księga przysłów porzypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa : Druk Emila Skińskiego, 1894. 865 s.
46. Lukaševičs V. Latgaliešu-latviešu vārdnīca. Vīna cylvāka specvuorduojs. Daugavpils : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saulē”, 2011. 232 lpp.
47. Latviešu tautas mīklas, sakāmvārdi un parunas. Rīga : Avots, 1998. 488 lpp.
48. Opincāne B. Latgaļu parunas un sokomvōrdi. Rēzekne : LKCI, 2000. 86 lpp.
49. Mokienko V.M., Ruiz-Zorilla Cruzate M., Walter H., Zainouldinov A. Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter mit europäischne Parallelen. Greifswald : E.M.A.-Universität, 2009. 193 s.
50. Stypuła R. Słownik przysłów i powiedzień rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Warszawa : Wiedza Powszechna, 2003. 999 s.
51. Ivanov E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS, 2002. 136 p.
52. Черкасова М.Н. Дурак фольклорный vs. «дурак полный»: к интерпретации оскорбления // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2011. № 2. С. 98–108.
53. Аввакум. Житіє протопопа Аввакума, написанное имь самимъ. СПб. : Издание А.Е. Бѣляева, 1904. 27 с.
54. Maszewska A. Ulica Prozy. Blog o ludziach, książkach i górach. 2021. URL: <http://ulicaprozy.pl/ludzie/glupiego-robota-lubi/> (дата обращения: 08.04.21).
55. Šuplinska I. Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca. Rēzekne : Rēzeknes Augstskola, 2012. 876 lpp.
56. Latviešu folkloras krātuve. 2021. URL: <http://garamantas.lv> (дата обращения: 08.04.2021).
57. Patarles. DainuTekstai. 2021. URL: <http://patarles.dainutekstai.lt> (дата обращения: 08.04.2021).
58. Venckus R. Kultūros kirtis. Platesnio požiūrio kritikos straipsniai. 2021. URL: <http://culture.venckus.eu/socialiniai-klausimai/kaip-darbas-durniu-mylejo-o-durnius-meiles-issizadejo/> (дата обращения: 08.04.2021).
59. Portalas tv3.lt. 2021. URL: <https://www.tv3.lt/naujiena/zmones/durnius-darba-darbas-durniu-n370705> (дата обращения: 08.04.2021).
60. Литература Древней Руси : Хрестоматия. М. : Высшая школа, 1990. 554 с.
61. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига прва. Друго фототипско издање. Нови Сад : Матица српска, 1990. 872 с.
62. Инфантьев Б.Ф. Балто-славянские культурные связи. Лексика, мифология, фольклор. Рига : Веди, 2007. 312 с.

63. *Barbarizmų žodynėlis*. Jaunimo barbarizmų ir posakių žodynas. 2021. URL: <http://www.barbarizmai.lt/zodis/durnius.html> (дата обращения: 08.04.2021).

References

1. Lomakina, O.V. (ed.) (2015) *Paremiologiya v diskurse* [Paremiology in discourse]. Moscow: URSS: Lenand.
2. Antonova, E.N. et al. (2020) *Paremiologiya bez granits* [Paremiology without borders]. Moscow: RUDN.
3. Bredis, M.A. et al. (2021) *Paremiologiya na perekrestkakh yazykov i kul'tur* [Paremiology at the crossroads of languages and cultures]. Moscow: RUDN.
4. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019) Poslovitsa v sovremennoy lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 34–43.
5. Ivanov, E.E. (2020) Aforizm kak ob'ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [Aphorism as an object of linguistics: main features]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 11 (4). pp. 659–706.
6. Ivanov, E.E. (2019) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennoy russkom yazyke [On the recurrence of aphoristic units in modern Russian]. *Rusistika*. 17 (2). pp. 157–170.
7. Ivanov, E.E. (2022) Funktsii aforisticheskikh edinit v russkom yazyke [Functions of aphoristic units in Russian]. *Rusistika*. 20 (2). pp. 167–185.
8. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskiykh poslovits: modeli, obrazy, ponyatiya (na evropeyskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, images, concepts (on the European paremiological background)]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 3. pp. 220–233.
9. Ivanov, E.E., Marfina, Zh.V. & Shkuran, O.V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskiykh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniya [Nominations of animals in Tuvan proverbs and sayings: aspects of verbalization and problems of study]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 47–68.
10. Mokienko, V.M. (2020) Lingvokul'turologicheskaya paremiologiya v evropeyskoy retrospektive [Linguistic and cultural paremiology in European retrospective]. In: *Perspektivnye napravleniya sovremennoy lingvistiki* [Perspective directions of modern linguistics]. Moscow: RUDN. pp. 42–53.
11. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020) Paremii v sovremennoy lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchiy i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguoculturological Potential]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 11 (2). pp. 265–284.
12. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Yu.A. (2021) Natsional'naya spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye ponyatiya i metodika vyavleniya) [National specificity of the proverbial fund (basic concepts and methods of detection)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 12 (4). pp. 993–1032.

13. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiysko-finskih narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeyskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (against the European paremiological background)]. *Vestnik ugrovedeniya*. 11 (4). pp. 607–615.

14. Petrusheuskaya, Yu.A. (2021) *Mounaya spetsyfichnasts' i natsyyanal'naya admetnasts' prykazak belaruskay movy* [Linguistic specificity and national distinctiveness of proverbs of the Belarusian language]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University. (In Belarusian).

15. Bredis, M.A. et al. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskih poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentariy (na evropeyskom paremiologicheskom fone) [Lexicographic description of Tuvan proverbs: principles, structure, ethnolinguistic and cultural commentary (on the European paremiological background)]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 4. pp. 143–160.

16. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskih poslovits v aspekte normativnoy i polilingval'noy paremiografii (na fone russkogo i angliyskogo yazykov) [Proverbial factors in the translation of Tuvan proverbs in the aspect of normative and polylingual paremiography (against the background of Russian and English)]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 17–36.

17. Anon. (2009) *Angla-belaruskii paremiyalagichny slounik = English-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

18. Petrusheuskaya, Yu.A. (2020) *Universal'ny i internatsyyanal'ny kampanenty u paremiyalagichnym skladze belaruskay movy: belarуска-inshamouny slounik* [Universal and international components in paremiological composition of the Belarusian language: Belarusian-foreign language dictionary]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

19. Ivanou, Ya.Ya. & Ramanava, N.K. (2006) *Belarуска-nyametski paremiyalagichny slounik = Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

20. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [Big dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

21. Brilyova, I.S. et al. (2012) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: znachenie, upotreblenie, kul'turologicheskii kommentariy* [Big phraseological dictionary of the Russian language: meaning, usage, cultural commentary]. Moscow: Riderz Daydzhest.

22. Mokienko, V.M. (2006) *Davayte govorit' pravil'no! Slovar' poslovits: kratkii slovar'-spravochnik* [Let's speak right! Dictionary of proverbs: a concise reference dictionary]. Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University.

23. Shvedchenko, I.E. (2009) *Slovar' poslovits. Ital'yansko-russkii i russko-ital'yanskii = Dizionario dei proverbi. Italiano-russo e russo-italiano*. Moscow: Drofa: Russkiy yazyk Media.

24. Mokienko, V.M. (2003) *Pochemu tak govoryat? Ot Avosya do Yatya: istoriko-etimologicheskii spravochnik po russkoy frazeologii* [Why do they say so? From Avos to Yat: a historical and etymological guide to Russian phraseology]. Saint Petersburg: Norint.

25. Ivanou, Ya.Ya. (2011) *Krylatyya afaryzmy u belaruskay move: z inshamounykh litaraturnykh i fal'klornykh krynits VIII st. da n. e. – XX st.: tlumachal'ny slounik* [Winged aphorisms in the Belarusian language: from foreign literary and folklore sources of the 8th century BC till the 20th century: explanatory dictionary]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

26. Ivanova, S.F. & Ivanou, Ya.Ya. (2007) *Pol'ska-belaruski paremiyalagichny slounik = Polsko-bialoruski slownik paremiologiczny*. Magilej: MDU imya A. A. Kul-yashova.

27. Lakotka, A.I., Kukharonak, T.I. & Alferava, A.G. (2017) *Prymauki dy prykazki – mudray movy pryvyazki (z advechnay mudrastsy narodnay)* [Proverbs and sayings – the wise language of reference (from the eternal wisdom of the people)]. Translated into Chinese by Wang Qingfeng and A.V. Ramanovskaya. Minsk: Belaruskaya navuka.

28. Aya, U., Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2012) *Poslovitsy v russkoy rechi: uchebnyy slovar' s kommentariyami na estonskom yazyke* [Proverbs in Russian speech: a learner's dictionary with comments in Estonian]. Pskov: LOGOS Plyus.

29. Margulis, A. & Kholodnaya, A. (2000) *Russko-angliyskiy slovar' poslovits i pogovorok = Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings*. North Carolina & London: Publishers Jefferson.

30. Ivanov, E.E. & Mokienko, V.M. (2007) *Russko-belorusskiy paremiologicheskii slovar'* [Russian-Belarusian paremiological dictionary]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University.

31. Ivanov, E.E. (2001) *Russko-belorusskiy slovar' poslovits = Ruska-belaruski slounik prykazak: v 2 ch.* [Russian-Belarusian dictionary of proverbs in 2 parts]. Mogilev: Brama.

32. Walter, H. et al. (2014) *Russko-nemetsko-pol'skiy slovar' aktivnykh poslovits (s inoyazychnymi parallelyami i istoriko-kul'turologicheskimi kommentariyami)* [Russian-German-Polish dictionary of active proverbs (with foreign language parallels and historical and cultural comments)]. Greifswald: E.M.A.-Universität ; Szczecin: Volumina.

33. Tsvilling, M.Ya. (2006) *Russko-nemetskiy slovar' poslovits i pogovorok = Sprichwörter sprichwörtliche redensarten russisch-deutsches wörterbuch*. Moscow: Russkiy yazyk Media.

34. Felitsyna, V.P. & Prokhorov, Yu.E. (1988) *Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya: lingvostranovedcheskiy slovar'* [Russian proverbs, sayings and popular expressions: linguistic and regional dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

35. Epifanov, A. (2006) *Russkie poslovitsy i pogovorki i ikh turetskie analogi = Türk atasözleri ve rus karşılıkları*. Saint Petersburg: KARO.

36. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian Phraseology: Historical and Etymological Dictionary]. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.

37. Ivanova, S.F. & Ivanöy, Ya.Ya. (1997) *Slounik belaruskikh prykazak, prymavak i krylatykh vyrazau: lingvakrainaznauchy dapamozhnik* [Dictionary of Belarusian proverbs, sayings and winged expressions: a culture-oriented linguistic manual]. Minsk: BFS.

38. Turover, G.Ya. (2009) *Slovar' poslovits. Ispansko-russkiy i russko-ispanskiy = Diccionario de refranes. Español-ruso y ruso-español*. Moscow: Drofa: Russkiy yazyk Media.

39. Lepeshaŭ, I.Ya. & Yakaltsevich, M.A. (2011) *Tlumachal'ny slounik prykazak* [Explanatory dictionary of proverbs]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno.
40. Khramtsova, O.A. (2011) *Finskie poslovitsy i pogovorki i ikh russkie analogi. Russkie poslovitsy i pogovorki i ikh finskie analogi* [Finnish proverbs and sayings and their Russian equivalents. Russian proverbs and sayings and their Finnish equivalents]. Saint Petersburg: KARO.
41. Gnezdilova, V.A. (2010) *Frantsuzsko-russkiy slovar' poslovits i pogovorok* = *Dictionnaire des proverbes français-russes*. Moscow: Mirta-Print.
42. Mokienko, V.M. (2002) *Shkol'nyy slovar' zhivyykh russkikh poslovits* [Learner's dictionary of living Russian proverbs]. Saint Petersburg: Neva.
43. Lepeshau, I.Ya. (2014) *Etymalogichny sloŭnik prykazak* [Etymological dictionary of proverbs]. Minsk: Vysheyschaya shkola. (In Belarusian)
44. Kokare, E. (1967) *Divu tautu dzīves gudrība: Latviešu un krievu sakāmvārdi krājums*. Rīga: Zinātne.
45. Adalberg, S. (1894) *Księga przysłów porzypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Warszawa: Druk Emila Skińskiego.
46. Lukaševičs, V. (2011) *Latgaliēšu-latviešu vārdnīca. Vīna cylvāka specvuor-duojs*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule".
47. Černevska, I. (Korek.) *Latviešu tautas mīklas, sakāmvārdi un parunas*. Rīga: Avots.
48. Opincāne, B. (2000) *Latgaļu parunas un sokomvōrdi*. Rēzekne: LKCI.
49. Mokienko, V.M. et al. (2009) *Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter mit europäischne Parallelen*. Greifswald: E.M.A.-Universität.
50. Stypuła, R. (2003) *Słownik przysłów i powiedzień rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
51. Ivanov, E. (2002) *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS.
52. Cherkasova, M.N. (2011) Durak fol'klorny vs. "durak polny": k interpretatsii oskorbleniya [A Folklore Fool vs. a "Complete Fool": To the interpretation of insult]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta imeni M.A. Sholokhova. Seriya "Filologicheskie nauki"*. 2. pp. 98–108.
53. Avvakum. (1904) *Zhitie protopopa Avvakuma, napisannoe im "samim"* [Archpriest Avvakum. The Life Written by Himself]. Saint Petersburg: Izdanie A.E. Bblyayeva.
54. Maszewska, A. (2021) *Ulica Prozy. Blog o ludziach, książkach i górach*. [Online] Available from: <http://ulicaprozy.pl/ludzie/glupiego-robota-lubi/> (Accessed: 08.04.21).
55. Šuplinska, I. (2012) *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca*. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola.
56. Garamantas.lv. (2021) *Latviešu folkloras krātuve*. [Online] Available from: <http://garamantas.lv> (Accessed: 08.04.2021).
57. Patarles. DainuTekstai. (2021) [Online] Available from: <http://patarles.dainutekstai.lt> (Accessed: 08.04.2021).
58. Venckus, R. (2021) *Kultūros kirtis. Platesnio požiurio kritikos straipsniai*. [Online] Available from: <http://culture.venckus.eu/socialiniai-klausimai/kaip-darbas-durniu-mylejo-o-durnius-meiles-issizadejo/> (Accessed: 08.04.2021).

59. Tv3.lt. (2021) [Online] Available from: <https://www.tv3.lt/naujiena/zmones/durnius-darba-darbas-durniu-n370705> (Accessed: 08.04.2021).

60. Likhachev, D.S. (1990) *Literatura Drevney Rusi: Khrestomatiya* [Literature of Ancient Rus: Reader]. Moscow: Vysshaya shkola.

61. Anon. (1990) *Dictionary of the Serbo-Croatian literary language*. Book one. Second edition. Novi Sad: Matitsa srpska. (In Serbian and Croatian).

62. Infant'ev, B.F. (2007) *Balto-slavyanskije kul'turnye svyazi. Leksika, mifologiya, fol'klor* [Balto-Slavic cultural ties. Vocabulary, mythology, folklore]. Riga: Vēdi.

63. Barbarizmai.lt. (2021) *Barbarizmui žodynėlis. Jaunimo barbarizmui ir posakių žodynas*. [Online] Available from: <http://www.barbarizmai.lt/zodis/durnius.html> (Accessed: 08.04.2021).

Сведения об авторах:

Бредис Михаил Алексеевич – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: bredis-ma@rudn.ru

Иванов Евгений Евгеньевич – д-р филол. наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилёв, Республика Беларусь); ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: ivanov_ee@msu.by; ivanov-rudn@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mikhail A. Bredis, Cand. Sci. (Philology), leading researcher, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) (Moscow, Russian Federation). E-mail: bredis-ma@rudn.ru

Eugene E. Ivanov, Dr. Sci. (Philology), head of the Theoretical and Applied Linguistics Department, Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Republic of Belarus); leading researcher, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivanov_ee@msu.by; ivanov-rudn@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.04.2022;
одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 02.12.2022.*

*The article was submitted 14.04.2022;
approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 02.12.2022.*